

Верещагина А. В.

МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ СЕМЬЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Верещагина Анна Владимировна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии, политологии и права Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук Южного федерального университета: Россия, Ростов-на-Дону, 344006, ул. Пушкинская, 160; заведующая отделом Южнороссийского филиала Института социологии РАН. Россия, Ростов-на-Дону, 344006, Гвардейский пер., 2/51.

E-mail: anrietta25@mail.ru

Тел.: +7 (863) 264 49 77

Аннотация. В данной статье автор задаётся вопросом: какова роль межэтнической семьи в современном российском обществе, которое вступило в новый этап цивилизационного развития, характеризующийся доминированием этнических маркеров в процессе выстраивания идентификационной матрицы у различных народов России? Способна ли сегодня межэтническая семья стать рупором миролюбия и согласия в обществе, утратившем высокую культуру межэтнического общения? Нужна ли сегодня России, синтезирующей в своей основе цивилизационные культуры Запада и Востока, межэтническая семья для обеспечения её цивилизационной безопасности? На данные вопросы автор пытается ответить, выбрав в качестве объекта исследования Северный Кавказ как регион наиболее интенсивного межэтнического взаимодействия и межэтнической напряжённости. Межэтническая семья в условиях этнизации всех социальных процессов в данном регионе и в России в целом стала невостребованной, что находит эмпирическое подтверждение в результатах авторских социологических исследований, проведённых в республике Дагестан в 2012–2013 гг. Автор приходит к выводу, что актуализация этнического фактора в жизни народов Северного Кавказа и связанные с этим сложности межэтнической адаптации этнически смешанных семей в данном регионе значительно снижают статус последних по сравнению с моноэтническими семьями в массовом сознании северокавказских народов, ориентированных на сохранение традиционных основ жизнедеятельности.

Ключевые слова: межэтническая семья, цивилизационная безопасность, цивилизационная идентичность, российская цивилизация, этнос, межэтническая брачность.

Россия обладает уникальным цивилизационным опытом, накопленным в ходе многовекового общения и взаимодействия различных культур и народов, в том числе на семейно-брачном уровне в процессе развития ин-

ститута межэтнической семьи. Сегодня этот опыт представляется особенно актуальным и востребованным, поскольку современный мир вступил в новую эру межцивилизационных противоречий, определяющихся противостоянием восточной и западной культур и угрожающих рисками межцивилизационных столкновений. Эти риски имеют исторически обусловленные причины, которые кроются, прежде всего, в идеологии европоцентризма. В современном варианте европоцентризм принял мирные формы, но по своей сути сохранил формат принудительного влияния на незападные общества. Разница заключается лишь в том, что возглавляют сегодня течение неоевропоцентризма США, активно навязывающие своё видение мира, его политического устройства и организации социальных отношений. Мирный характер навязываемого Западом господства стал чертой западнизма – именно таким термином определяет А. А. Зиновьев своё видение Запада и проводимую им принудительную по отношению к остальному миру политику [Зиновьев, 2008: 549].

В связи с этим позиция и статус России как особой цивилизации, древо которой имеет и восточные, и западные корни, приобретают сверхважное значение как для самой России, так и для всего остального конфликтогенного цивилизационного пространства. Следует согласиться с мнением Р. Д. Хунагова, убеждённого в том, что на долю России выпала великая миссия – преодолеть разломы и «залечить» раны на теле человечества, порождённые Западом, совершив тем самым гуманитарный прорыв [Хунагов, 2012: 133].

Подобная сверхзадача может быть выполнена Россией только при условии её цивилизационной устойчивости и, если можно так сказать, эффективности, которая в свете межэтнических противоречий и конфликтов, по своей природе цивилизационных (что проявляется в растущем противостоянии между народами, относящимися к восточной и западной цивилизационным веткам), вызывает вполне оправданные сомнения. Следовательно, перед Россией стоит задача укрепления её цивилизационных оснований с учётом того, что они находятся на пересечении двух цивилизационных миров – Востока и Запада и порождают тот самый, нигде не встречающийся в истории, цивилизационный феномен синергии противостоящих культурных миров [Пантин, 2012: 99]. В этом заключается как мощь российской цивилизации, производная от её уникальности, так и слабость, производная от потенциала конфликтогенности, заложенного в этой же цивилизационной уникальности.

Однако исторический опыт России показывает, что преодолеть риски цивилизационной маргинальности как пограничного между Западом и Востоком состояния вполне по силам нашей стране. Часто критикуемый современными учёными и общественными деятелями опыт советского государства или, выражаясь в парадигме цивилизационного дискурса, советской цивилизации тому доказательство. В советском обществе сложилась уникальная для столь сложного цивилизационного образования культура межэтнического общения, позволившая советскому народу достойно пережить полные трагизма годы Великой отечественной войны и преодолеть многочисленные трудности поствоенного периода. Плечом к плечу представители самых разных национальностей поднимали из пепла израненную страну, восстанавливали сёла и города, работали на благо советской науки, воспитывали в духе патриотизма молодёжь самых разных национальностей. Возможным всё это стало в силу наличия устойчивой советской идентичности, которая, будучи по своей сущности цивилизационной, выступала вершиной идентификационной пирамиды, не умаляя значимости иных идентификационных маркеров, в том числе этнических, но, в то же время, не делая их определяющими.

Сегодня цивилизационный мир России рушится на глазах, и проявляется это, прежде всего, в кризисе цивилизационной идентичности, а потому проблема цивилизационной идентичности для России как цивилизации не может не рассматриваться иначе, как проблема её цивилизационной безопасности. Под последней мы предлагаем понимать способ функционирования цивилизации, обеспечивающий сохранение её целостности, устойчивости и жизнеспособности в полицивилизационном мире, а также способности противостоять внешним и внутренним угрозам. Данное определение базируется на интерпретации социальной безопасности как способа функционирования социальной системы, обеспечивающего сохранение её целостности, устойчивости и жизнеспособности в процессе взаимодействия её структурных составляющих (подсистем: экономическая, политическая, демографическая, информационная, культурная и т. д. ; элементов: социальные группы, организации, институты, отдельные индивиды) между собой и с окружающей средой на протяжении существования и развития общества [Самыгин, Верещагина, 2014: 116]. Понятие социальной безопасности, приведённое в качестве формирующего определения цивилизационной безопасности, основывается на понимании опасности как способа существования социальной системы.

Да, конечно, с учётом того, что «в российском цивилизационном дискурсе представлены различные точки зрения, в том числе и такие, согласно которым на современном этапе Россия утратила свою цивилизационную субъектность или российская цивилизация только находится на стадии цивилизационной идентификации» [Дерлюк, 2010: 44], может возникнуть вопрос о том, стоит

ли говорить о цивилизационной безопасности? В данном контексте следует отметить, что даже на стадии цивилизационного оформления необходимо учитывать риски и угрозы, которые могут прервать этот процесс. Мы же придерживаемся той точки зрения, что российская цивилизация, безусловно, состоялась как таковая, но в очередной раз испытывает симптомы социокультурного раскола и кризиса идентичности, угрожающие в перспективе цивилизационным коллапсом, после которого все сомнения относительно цивилизационной субъектности России отпадут сами собой.

Как отмечает А. И. Пальцев в рамках актуализации проблемы ментального терроризма, в результате которого российское общество стремительно теряет свою цивилизационную самобытность и духовный стержень [Пальцев, 2012: 81], если мы не хотим превратиться из великой цивилизации в территорию, нам необходима устойчивая цивилизационная идентичность, которая в формате «Мы-идентичность» или коллективной идентичности может формироваться на различных основаниях, но не без конструктивистских усилий [Лубский, Лубский, 2013: 92–93].

Исходя из современных реалий развития российского общества, в котором именно формат этнической идентичности определяет идентификационные схемы различных народов России, можно предположить, что данный процесс нуждается в корректировке, поскольку у этнической стратегии цивилизационной идентичности в таком полиэтничном обществе, как российское, будущего нет.

В советский период российской истории одним из механизмов формирования цивилизационной (советской) идентичности выступали межэтнические браки, идеологическая поддержка которых со стороны советского правительства обеспечила их поступательный рост и позитивное восприятие даже в тех регионах страны, где традиционно нормой семейно-брачных отношений выступала эндогамия. Речь, прежде всего, идёт о республиках Северного Кавказа, которые и по сей день устойчиво сохраняют культурную замкнутость и ориентированность на брачную эндогамию. Вместе с тем, даже в этом этнокультурном регионе в советское время удалось сформировать если не традицию межэтнической брачности, то тенденцию к позитивному восприятию таковой, на фоне которой наблюдался хоть и невысокий, но заметный для данного региона рост межэтнической брачности.

В целом, конечно же, процент межэтнических браков во всех республиках Северного Кавказа, даже в советский период, оставался очень низким и характерны они были, в основном, для верхних слоёв общества. За годы Советской власти произошли боль-

шие изменения в социальной, культурной и других областях жизни народов Северного Кавказа. Произошло существенное раскрепощение женщин по сравнению с их прежним, почти бесправным положением, увеличилось взаимодействие народов на культурном и профессиональном уровне. Всё это было характерно, прежде всего, для жителей городов, поскольку в селе процесс модернизации проходил долго и ещё далеко не завершён. Тем не менее, в относительно короткие сроки в республиках Северного Кавказа был создан индустриальный сектор и система национального образования, интегрированная в общесоюзное образовательное пространство, прежде всего на базе русского языка. Его широкое распространение среди населения Северного Кавказа повлияло на межэтническую брачность, поскольку среди этнических факторов, влияющих на межэтническую брачность, язык играет далеко не последнюю роль. В связи с этим в советский период численность межэтнических семей в процессе урбанизации, интернационализации общественной жизни и целенаправленной политики советского правительства стала заметно расти, и в итоге межэтническая семья провозглашается нормой советского образа жизни и соответствующей СССР идеологии дружбы народов.

Тем не менее, как и в дореволюционное время, неодобрительное отношение к вступлению в брак с представителем другой, особенно немусульманской национальности, сохранялось в некоторых традиционных кругах коренных этносов Северного Кавказа. Такое неприятие межэтнического брака особенно характерно было для представителей старшего поколения и в сельской местности, которая является хранительницей традиций и обычаев этноса. Несмотря на то, что население Северного Кавказа довольно пёстрое в национальном отношении, межэтнические браки в автономиях Северного Кавказа всегда составляли меньшую долю среди автономных республик СССР. Даже тот факт, что в республиках Северного Кавказа очень высока концентрация коренных народов, которые отличаются этнокультурной близостью, существенно не повлиял на рост межэтнических браков, который с 80-х годов прошлого века и вовсе прекращается. Начавшийся процесс снижения численности межэтнических браков в республиках Северного Кавказа продолжается по сей день, что соответствует исторически сформировавшимся представлениям о семье у народов Северного Кавказа, идеалом которой выступает моноэтническая и моноконфессиональная семья [Верещагина, Шахбанова, 2013: 85].

Плохо это или хорошо? Как относиться к пониженной динамике межэтнической брачности на Северном Кавказе? Мы намеренно выбрали этот регион для исследования межэтнической семьи в условиях новой цивилизационной реальности в России, поскольку именно здесь концентрируются народы восточной цивилизационной ветви и именно этот регион стал источником дестабилизации межэтнических отношений в большей степени, нежели другие регионы страны. Получается, что именно в данном регионе фикси-

руется цивилизационный конфликт по линии «Запад-Восток», не изживший себя за многие века совместного проживания народов Северного Кавказа в составе России. Если отталкиваться от идей И. Г. Яковенко, то именно евразийскость российской цивилизации всегда выступала и выступает фактором её неустойчивости и низкой эффективности модернизационного процесса, с различной скоростью протекающего в европейских и азиатских регионах, христианских и исламских обществах страны [Яковенко, 2006: 159]. С этим мнением сложно не согласиться, но, исходя из исторической данности, определяющей цивилизационную структуру России и её полиэтничный состав, необходимо искать пути и методы повышения интегрированности российского общества, его консолидации и потенциала межэтнической солидарности.

С этой точки зрения при оценке снижения численности межэтнических браков в Северо-Кавказском регионе российской цивилизации мы не можем согласиться с теми, кто положительно относится к данному явлению. Вместе с тем, следует признать, что выбор в пользу эндогамии жителями данного региона вполне закономерен в условиях этнизации всех социальных процессов и дестабилизации общественных отношений.

Итак, как сегодня можно охарактеризовать состояние и особенности функционирования института этнически смешанной семьи в России и, в частности, в её южных регионах? Угрожает ли ему полное исчезновение как невостребованному со стороны многочисленных этнических групп Южного региона, предпочитающих эндогамные стратегии в процессе создания семьи, или есть основания полагать, что речь идёт о временном кризисе, не угрожающем деинституционализацией такому интересному и чрезвычайно важному для полиэтничной России феномену, как межэтническая семья?

На данные вопросы, насколько это возможно в режиме реальной межэтнической ситуации на Юге России, автор постарается ответить, опираясь на данные самостоятельного эмпирического социологического исследования, которое было проведено в 2013 г. среди населения Дагестана (исследование проводилось совместно с научным сотрудником Дагестанского научного центра РАН, д.социол.н. Шахбановой М. М.), в рамках которого мы стремились выявить отношение дагестанцев к этнически смешанным семьям и установки на межэтническую брачность молодых представителей этой республики.

Социологическое исследование проводилось в Бабаюртовском, Дербентском, Казбековском, Кизлярском, Кизилюртовском, Карабудахкентском, Кайтагском, Кумторкалинском, Хасавюртовском районах, в городах Махачкала, Кизляр, Кизилюрт, Дербент. N – 1143.

При ответе на вопрос «Как бы вы отнеслись, если бы кто-нибудь из ваших ближайших родственников (сын, дочь, брат, сестра) вступили в брак с человеком другой национальности?» было выявлено, что респондентам с небольшой разницей ближе две позиции — «национальность в браке не имеет значения, если муж (жена) соблюдает обычаи моего народа» и «предпочёл бы человека своей национальности, но возражать не стал бы». При этом небольшая часть опрошенных положительно оценивает смешанный брак, потому что он «способствует укреплению терпимости между народами». Вместе с тем, как показало проведённое исследование, дагестанские народы считают межэтнический брак «нежелательным», ибо он «способствует потере самобытности и национального своеобразия народа».

По сравнению с другими возрастными категориями, относительную толерантность к межэтническому браку как собственному, так и своих детей, продемонстрировали молодые люди в возрасте «до 20 лет» — 50,0%, в то время как 37,4% опрошенных в возрастной категории «от 20 до 40 лет» отрицательно относятся к межэтническому браку своих детей и не принимают человека иной этнической принадлежности в качестве супруга(-и). Приведённые результаты свидетельствуют о том, что, если этническая принадлежность друга вообще не имеет значение для дагестанских народов, то этническая принадлежность брачного партнёра оказывается довольно значимым фактором.

Таким образом, проведённое исследование показало, с одной стороны, достаточно высокую толерантность дагестанских народов по отношению к межэтническим семьям, с другой стороны — была выявлена чёткая ориентированность при выборе брачного партнёра на представителя своей этнической группы. Кроме того, исследование позволило выявить различия в установках на совместный труд, совместное проживание и общение с представителями иной этнической принадлежности. Было установлено, что дистанция, разделяющая восприятие респондентами производственной и брачной сфер, весьма значительная, поскольку при высокой готовности респондентов работать в многонациональном коллективе фиксируется крайне низкая готовность к заключению межэтнического брака и в целом высокий уровень неприятия межэтнической семьи как модели семейно-брачных отношений.

Несколько ранее, в 2012 г. совместно с научным сотрудником ДНЦ РАН, д.социол.н. Шахбановой М. М., был проведён социологический опрос по проблеме отношения студенческой молодёжи Дагестана к семье и семейным ценностям¹. Также был проведён экспертный опрос, в котором экспертами выступили сотрудники Дагестанского государственного университета,

---

¹ Были опрошены студенты Дагестанского государственного университета, Дагестанской государственной медицинской академии, Дагестанского государственного технического университета, Дагестанского государственного института народного хозяйства (N — 378).

Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Дагестанского государственного технического университета, Центра социальной помощи семье и детям в г. Хасавюрте (N – 86) [Верещагина, Шахбанова, 2013: 78 – 85].

Большой интерес представляет мнение дагестанской молодёжи по вопросу стабильности семей моноэтнического и межэтнического типа. Исследование показало, что практически во всех опрошенных этнических группах студенческой молодёжи (среди респондентов были аварцы, даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины, русские и др.) более 1/3 респондентов не считают, что этническая принадлежность отрицательно влияет на стабильность семьи и брака. Примерно столько же опрошенных студентов (1/3) полагают, что моноэтнические семьи устойчивее межэтнических. Ответы экспертов по данному вопросу оказались несколько иными: 53,5% из них полагают, что «этническая принадлежность не влияет на стабильность семьи и брака», 27,9% экспертов считают, что более стабильны моноэтнические семьи и только 4,7% респондентов из числа экспертов убеждены в том, что межэтнические семьи являются более стабильными.

При ответе на вопрос о том, какие факторы повлияли на снижение количества межэтнических браков в современной России, были получены следующие результаты (см. рис. 1).

Рис. 1. Какие факторы повлияли на снижение количества межэтнических браков в современной России, %

Таким образом, мы видим, что моноэтническая семья в глазах дагестанских народов оценивается как более стабильная по сравнению с межэтнической, хотя достаточно высок процент тех респондентов, кто выбрал нейтральный вариант ответа, согласно которому уровень стабильности семьи не связывается с ее этническим составом.

Безусловно, представленные результаты, полученные в ходе проведения указанных социологических исследований в республике Дагестан, вполне ожидаемы. Данные результаты прогнозируемы и понятны с той точки зрения, что традиция заключать браки в пределах своей этнической общности была всегда характерна для народов Северного Кавказа (и Дагестана в частности), так как через семейные каналы происходит трансляция этнических ценностей, их закрепление и воспроизводство, с чем и связано неприятие экзогамных семейных стратегий у коренных народов данного региона. Известно, что сохранение этнических традиций базируется на эндогамии, так как только эндогамная семья способна передать детям в ходе социализации стереотипы поведения и мышления, укладывающиеся в единые рамки той или иной культуры, в то время как экзогамная семья априори содержит в себе различные культурные ценности и нормы, часто взаимоисключающие друг друга.

Безусловно, в однонациональной среде больше возможностей сохранить национальный язык, обычаи, традиции, в то время как в межэтнических семьях часто неизбежным становится процесс этнической маргинализации, хотя для республик Северного Кавказа он характерен в слабой степени, поскольку маскулинная культура северокавказских народов способствует поглощению женской культуры в процессе межэтнической адаптации в самой межэтнической семье, в результате чего она становится частью одного из этносов данного региона [Верещагина, 2003: 24–25]. Дети в межэтнической семье на Северном Кавказе воспитываются в лоне этнической культуры отца, которая в большинстве случаев становится для них определяющей их этническую идентичность. Одним словом, межэтнические семьи серьёзной угрозы этнической структуре народов Северного Кавказа и их традиционному образу жизни не представляют ввиду маскулинности культур этих народов, но потенциально заложенный в природе этнически смешанной семьи риск этнокультурной маргинализации и разрушения этнокультурной целостности этноса делает её крайне нежелательным элементом семейно-брачной структуры народов Северного Кавказа.

Таким образом, актуализация этнического фактора в жизни народов Северного Кавказа и связанные с этим сложности межэтнической адаптации этнически смешанных семей в данном регионе значительно снижают статус последних по сравнению с моноэтническими семьями в массовом сознании северокавказских народов, ориентированных на сохранение традиционных основ жизнедеятельности.

Следует подчеркнуть, что этнически смешанная семья – важнейшее звено в цепи взаимодействия этносов, контактирующих друг с другом. В процессе взаимодействия народов на микроуровне – через семейные связи, соседские поселения, трудовые коллективы развивается и обогащается культура, укрепляются межэтнические отношения. Интенсивные социальные изменения в российском обществе, происшедшие за последние десятилетия,

привели к трансформации семейно-брачных отношений и смене прежней ценностной парадигмы межэтнических отношений. Межэтническая семья в России, как основа интеграции полиэтнического общества, переживает период кризиса, что выражается в снижении численности межэтнических браков в регионах с высокой концентрацией коренных этносов и, в частности, на Северном Кавказе. Этническая специфика данного региона выражается в пёстром национальном составе его республик и в длительном сосуществовании многочисленных народов, в недалёком советском прошлом воспринимавших феномен межэтнической брачности как норму социальной реальности при сохранении моноэтнической семьи в качестве идеальной модели семьи и семейно-брачных отношений. Способствовала этому достаточно высокая для такого сложного в этническом отношении региона, как Северный Кавказ, культура межэтнического общения, разрушение которой на современном этапе рассматривается автором как фактор угрозы цивилизационной безопасности России.

Разрушение культуры межэтнического общения и резкое снижение межэтнической брачности в регионах Северного Кавказа невозможно рассматривать вне очевидной корреляционной зависимости, что объясняет исследовательское внимание к межэтнической семье как рупору миролюбия и толерантности, межэтнического согласия и сотрудничества, ибо только крепость семейных уз способна противостоять разрушительным тенденциям ксенофобии в её различных вариациях. Здесь уместно вспомнить историческое предание о том, как Александр Македонский в стремлении укрепить созданную им огромную империю решил соединить в одно целое греко-македонскую и персидскую знать, для чего организовал массовую свадьбу десяти тысяч македонцев и греков с персиянками, что должно было послужить процессу объединения и взаимовлияния греческой и восточной культуры. Империи Македонского это, как известно, не помогло, но важен сам факт понимания значимости межэтнических семей в укреплении полиэтничных цивилизационных образований.

На данном этапе межэтническая семья в южных регионах России лишена своих социокультурных, идеологических и институциональных оснований, а потому становится для республик Северного Кавказа всё более редким явлением. Межэтнические браки стали не востребованными северокавказским обществом, в котором успех и статус личности, а также семьи во многом определяется этнической принадлежностью, а потому позволить себе такую роскошь, как межэтнический брак, могут очень немногие

(либо очень влюблённые, либо очень богатые), готовые к тому, что созданную на таких разноэтнических основаниях семью могут не принять ни в одной из этнических групп, к которым относятся супруги.

Совершенно очевидно, что в условиях моноэтнизации республик Северного Кавказа и искоренения из их семейно-брачной практики экзогамных брачных стратегий рассчитывать на нечто иное, кроме как превращение со временем межэтнической брачности в некое уникальное для народов данного региона явление, не приходится. Следовательно, в данном регионе процесс разрушения межэтнической культуры, утративший один из своих важнейших механизмов — межэтническую брачность, в условиях отсутствия иных действенных механизмов, уже не остановить. Вывод, напрашивающийся в подобных обстоятельствах, не может не вызывать острого беспокойства за дальнейшее цивилизационное развитие России, в котором уже со всей очевидностью наблюдаются деградационные процессы, связанные с масштабными духовными потерями постсоветского периода. Согласно данным Института социологии РАН, данные потери чётко осознаются россиянами, поставившими падение морали на второе место в рейтинге всех потерь, которые понесла наша страна за период с 2001 по 2011 гг. [Двадцать лет..., 2011: 216].

Остаётся только надеяться на то, что феномен межэтнической семьи из семейно-брачной практики народов Северного Кавказа не исчезнет окончательно, поскольку он имеет свою длительную историю в обществе, которое исторически было, есть и будет обществом полиэтничным, нуждающемся в этнически смешанных семьях, микромир которых содержит уникальную гамму межкультурных интеракций, обогащающих макромир межэтнического взаимодействия.

Понимание этого на данный момент отсутствует в российской цивилизации, но она ещё не закончила свой исторический маршрут.

Список литературы

Верещагина А. В. Этнически смешанные семьи на Северном Кавказе: образование и межэтническая адаптация. Автореферат дисс. ... канд. соц. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 26 с.

Верещагина А. В., Шахбанова М. М. Этнокультурная специфика демографического поведения дагестанской семьи // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 78–85.

Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) [Электронный ресурс] // Официальный сайт ИС РАН. 2011. URL: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/20_years_reform.pdf (дата обращения: 21.05.2014).

Дердюк В. Б. Цивилизационная безопасность России в современных условиях // *Власть*. 2010. № 9. С. 42–45.

Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. М.: Астрель, 2008. – 576 с.

Лубский А. В., Лубский Р. А. Этатизм и патернализм как культурные маркеры цивилизационной идентичности в России // *Гуманитарий Юга России*. 2013. № 3. С. 90–103.

Пальцев А. И. Постмодернистский либерализм как средство изменения цивилизационного кода ментальной сферы России // *Власть*. 2012. № 11. С. 79–83.

Пантин В. И. Историческая роль России: между Западом и Востоком // *История и современность*. 2012. № 2. С. 93–112.

Самыгин С. И., Верещагина А. В. Семья и социальная безопасность России // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2014. № 2. С. 116–120.

Хунагов Р. Д. Личность и цивилизация в мире аутентичности и идентичности: монография. Ростов н/Д: Антей, 2012. – 270 с.

Яковенко И. Г. Риски социальной трансформации российского общества: культурологический аспект. М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 176 с.

Interethnic Family in the North Caucasus in the New Russian Civilisation

Vereshchagina Anna Vladimirovna

Doctor of Sociological Sciences, the associate professor, professor of chair of sociology, political science and the right of Institute on retraining and professional development of teachers of humanitarian and social sciences of the Southern Federal University: Pushkinskaya st., 160, 344006, Rostov-on-Don, Russia; the manager of department of the South Russian branch of Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences: Gvardejskiy per., 2/51, 344006, Rostov-on-Don, Russia. E-mail: anrietta25@mail.ru

Abstract. In this article, the author asks the following questions: what is the role of an interethnic family in modern Russian society, which has entered a new stage of civilisation development that is characterised by the domination of ethnic markers in the formation of an identification matrix of various people of Russia? Is the interethnic family a peaceful and consenting loud-hailer in a society that has lost its culture of interethnic communication? Is it necessary for the interethnic family to ensure its safety for Russia to synthesise the cultures of the West and the East? The author attempts to answer these questions by examining the North Caucasus, which is the region with the most intensive interethnic interaction and interethnic intensity. The findings concerning the interethnic family in the conditions of the

ethnicisation of all social processes in this region and in Russia as a whole confirm the results of the author's sociological research that was conducted in the Republic of Dagestan in 2012 – 2013. The author concludes that the increase of an ethnic factor in the lives of the people of the North Caucasus and the difficulties of the interethnic adaptation of ethnically mixed families in this region considerably reduce the status of such families in comparison with monoethnic families in the mass consciousness of the North Caucasian people, who are focused on the preservation of traditional activities and interactions.

Keywords: interethnic family, civilization safety, civilization identity, Russian civilization, ethnos, interethnic brachnost.

REFERENCES

Vereshhagina A. V. Jetnicheski smeshannye sem'i na Severnom Kavkaze: obrazovanie i mezhetnicheskaja adaptacija. [*Ethnically mixed families in the North Caucasus: education and ethnic adaptation*]. Avtoreferat diss. ... kand. soc. nauk. Rostov-na-Donu, 2003. — 26 s. (In Russ.).

Vereshhagina A. V., Shahbanova M. M. Jetnokul'turnaja specifika demograficheskogo povedenija dagestanskoj sem'i. [*Ethno-cultural specificity of demographic behavior Dagestani family*]. J. Sociologicheskie issledovanija. 2013. № 6. S. 78 – 85. (In Russ.).

Dvadcat' let reform glazami rossijan (opyt mnogoletnih sociologicheskikh zamerov). [*Twenty years of reform through the eyes of Russians (the experience of many years of sociological measurement)*]. [Elektronnyj resurs]. Oficial'nyj sajt IS RAN. 2011. URL: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/20_years_reform.pdf (data obrashhenija: 21.05.2014). (In Russ.).

Derdjuk V. B. Civilizacionnaja bezopasnost' Rossii v sovremennyh uslovijah. [*Civilizational security of Russia in modern conditions*]. J. Vlast'. 2010. № 9. S. 42 – 45. (In Russ.).

Zinov'ev A. A. Na puti k sverhobshhestvu. [*On the way to supersociety*]. M.: Astrel', 2008. — 576 s. (In Russ.).

Lubskij A. V., Lubskij R. A. Jetatizm i paternalizm kak kul'turnye markery civilizacionnoj identichnosti v Rossii. [*Etatism and paternalism as cultural markers of civilizational identity in Russia*]. J. Gumanitarij Juga Rossii. 2013. № 3. S. 90 – 103. (In Russ.).

Pal'cev A. I. Postmodernistskij liberalizm kak sredstvo izmenenija civilizacionnogo koda mental'noj sfery Rossii. [*Postmodern liberalism as a means of changing the code of civilized mental sphere Russia*]. J. Vlast'. 2012. № 11. S. 79 – 83. (In Russ.).

Pantin V. I. Istoricheskaja rol' Rossii: mezhdru Zapadom i Vostokom. [*The historical role of Russia: between East and West*]. J. Istorija i sovremennost'. 2012. № 2. S. 93 – 112. (In Russ.).

Samygin S. I., Vereshhagina A. V. Sem'ja i social'naja bezopasnost' Rossii. [*Family and Social Security in Russia*]. J. Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki. 2014. № 2. S. 116 – 120. (In Russ.).

Hunagov R. D. Lichnost' i civilizacija v mire autentichnosti i identichnosti: monografija. [*Identity and civilization in the world of authenticity and identity*]. Rostov n/D: Antej, 2012. — 270 s. (In Russ.).

Jakovenko I. G. Riski social'noj transformacii rossijskogo obshhestva: kul'turologicheskij aspekt. [*Risks of social transformation of Russian society: cultural aspect*]. M.: Progress-Tradicija, 2006. — 176 s. (In Russ.).